

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования РФ*

ИСТОРИЯ РОССИИ

МОСКВА

Автор А. Абрамов
Художник Н. Алёшина

В издании участвовало
творческое объединение
при Фонде Ролана Быкова

МОСКВА
БЕЛЫЙ ГОРОД
2000

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО РУССКИХ ЦАРЕЙ

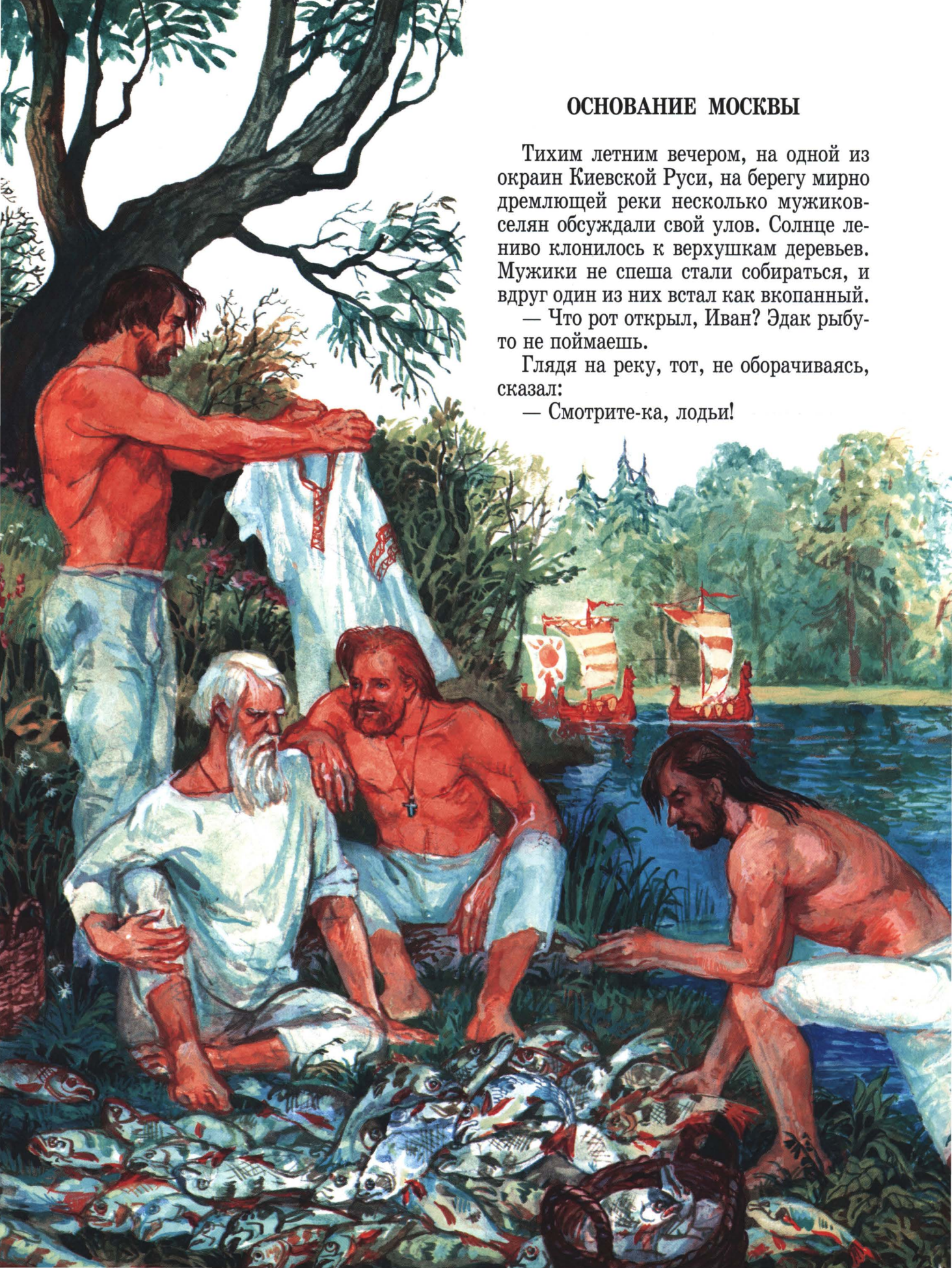
ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ

Тихим летним вечером, на одной из окраин Киевской Руси, на берегу мирно дремлющей реки несколько мужиков-селян обсуждали свой улов. Солнце лениво клонилось к верхушкам деревьев. Мужики не спеша стали собираться, и вдруг один из них встал как вкопанный.

— Что рот открыл, Иван? Эдак рыбутьо не поймаешь.

Глядя на реку, тот, не оборачиваясь, сказал:

— Смотрите-ка, лодьи!

Действительно, на реке показались корабли. Завидев их, мужики насторожились. Кого нелегкая несет? Так, мимо плывут иль в гости? И если в гости, то с добром ли? Аль купцы какие? Рыбку бы сменять на товары заморские...

Вдруг солнечные лучи засветились на лодьях, заиграли зайчиками на медных шлемах. Бог ты мой! Воины! Засуетились мужики: свои иль чужие — добра не жди. Бросили улов и в село заспешили: авось пронесет! Лишь Иван остался — любопытство пересилило. Вглядевшись, он заметил богато одетого воина. Никак из князей кто пожаловал! Ну, дела-а-а!..

Зоркость не обманула Ивана. В самом деле, на одном из кораблей во весь рост стоял статный, высокий человек. Его дорогое одеяние, как, впрочем, и осанка,

и гордый взгляд, выдавали в нем мужа знатного, властного.

То был великий князь Киевский Юрий Владимирович Долгорукий. Со своей дружиной он шел во Владимир, к сыну своему Андрею, князю Суздальскому.

Внимательным взглядом из-под грозных бровей осматривал он незнакомые донине места. По-хозяйски оценивал далекую окраину своей вотчины — государства Киевского, земли Русской.

Наконец князь заметил на левом берегу село, уютно расположившееся на высоком холме. «Неплохо устроились, — впервые за день улыбнулся князь. — Удобно сели, красиво». Он тут же отметил, что самой природой место это для торговли и обороны весьма приспособлено. Хорошо бы крепость здесь поставить...

Он подозвал своего боярина.

— Село видишь по левую руку?

— Вижу, князь.

— Делаем остановку.

И лодьи повернули к берегу.

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ, сын Владимира Мономаха, великий князь Киевский в 1149—1150 и 1153 — 1157 годах.

Оставшегося на берегу селянина пот прошиб, когда понял, что корабли двинулись в его сторону. Любопытство его как ветром сдуло. Бежать бы отсюда, да страх сковал — ноги к земле приросли.

Тем временем дружинники сошли на берег, подошли к нему. Заприметив улов, засмеялись.

— Что, смерд, неужто один столько рыбы наловил?

— Ловим помаленьку, — промямлил мужик. — Рыбы в Москве-реке что воды. Дружинники вновь захохотали:

— Да вы небось ходите по своей Москве-реке аки посуху, коль рыбы столько?

Мужик хотел было ответить в том же духе, да передумал, смолчал. Дружинники вдруг стали серьезными.

— Пошли! — Они грубо толкнули его в спину. — Давай, шевелись, смерд.

Мужика подвели к князю.

— Кто такой? — спросил князь.

Совсем обробел селянин.

— Мы местные, — пробубнил он себе в бороду и на всякий случай перекрестился. — Иваном кличут.

— Ты из этого села?

— Из него, княже. Кучково — село наше.

— Кто хозяин?

— Боярин Кучка и есть, княже. Стефан Иванович, благодетель наш.

— Отпустить его, — тихо, но отчетливо приказал князь.

Мужик кинулся наземь.

— Благодарствую, княже. — Спросить, что за князь с ним говорил, он побоялся. Поэтому остался — надо же узнать!

Князь тем временем послал своих дружинников за боярином, чтоб встретил как полагается. Посланные им люди вернулись скоро.

— Отказался тебе боярин честь оказать, великий княже. Заперся с холопами в своем дворе.

Вскинул брови Юрий Долгорукий, заиграли желваки на скулах: не привык прощать таких оскорблений.

— Что ж, — процедил он сквозь зубы, — пойдем потолкуем с боярином.

Иван, услышав, что это сам великий князь Киевский, бросился в село. Прибежав домой, крикнул с порога жене:

— Конец пришел нашему боярину. Князь идет на него.

Запричитала Иванова жена:

— Ой, что же теперь будет?

— Цыц, баба! — прикрикнул на нее Иван. — Что будет, то и будет. А только князь нам зла не желает.

Жена с сомнением посмотрела на мужа:

— А ты-то отколь знаешь, что желает князь, а что — нет?

Иван стукнул кулаком по столу.

— Знаю! Говорил с ним нынче.

— Ты? С князем? Совсем рехнулся!

— Ладно, хватит! — рявкнул Иван. Разве бабе докажешь? — Утро вечера мудренее.

Войдя в село, князь отметил про себя, что неплохо живут здесь, основательно. Видать, крепкий народ, домовитый. Одно раздражало — гробовая тишина. Попрятались селяне, чуя недоброе.

А вот и двор боярина Кучки. Над крепким, высоким забором высился богато украшенный терем.

—словно княжий дворец, — крикнул кто-то из дружинников.

Из-за забора послышался голос:

— Пошто пожаловал, княже? За данью или так грабить?

Спокойным, твердым голосом Юрий Долгорукий ответил:

— Знаешь ли ты, холоп, что говоришь с великим князем всея Руси? И ты сам, и люди твои — холопы мне!

— Мне киевский князь не указ, я сам себе князь, — гордо ответил боярин Кучка. — Киев далече, а здесь я хозяин. Попробуй, возьми меня.

Ничего не ответил ему князь. Повернулся к своей дружине и словно плюнул: — Убейте его!

Недолго сопротивлялись осажденные. Силы оказались неравны. В жаркой сече погиб Кучка со своими людьми. И уже мертвого боярина князь повелел повесить.

Юрий хмуро смотрел на казненного гордеца, и не было в его душе мстительного удовлетворения, лишь досада.

Еще не остывшие от схватки дружинники собирались вокруг князя. Вдруг все стихли. В тишине он услышал:

— Великий княже, а с этими-то что делать?

Юрий обернулся. Перед ним стояли дети: двое малых отроков и девушка. Мальчишки плакали и вытирали рукавами слезы. Взгляд князя остановился на девушке, твердо смотревшей ему в глаза. В ней поражало все: и гордый взгляд, и удивительная красота. Пожалуй, такой красоты князь еще не встречал в своей жизни. Он сразу понял, что перед ним дети казненного боярина. И все же спросил:

— Кто такие?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ, сын Юрия Долгорукого, великий князь Владимиро-Суздальский в 1157—1174 годах.

— Кучковичи, великий княже, — ответил один из дружинников.

— Как звать? — спросил Юрий и почувствовал, что в нем угасли последние огоньки злости.

— Петр... Аким... — шмыгнули носами мальчишки.

— А тебя? — обратился князь к девушке.

Та вскинула голову и чуть ли не с визгом произнесла:

— Улитой кличут!

«Под стать отцу, — подумал Юрий, любуясь ею. — Сыну моему такую бы жену». Решение их судьбы пришло к нему как озарение. Он объявил:

— Утром отправите во Владимир, к князю Андрею. Пусть примет их и содержит при своем дворе...

Едва забрезжил рассвет, Иван в новой рубахе вышел со двора. Огладил бороду, подтянул пояс и со словами: «Ну,

с Богом!» — важно пошел к холму, куда только что прошествовал князь с дружиной. Приоткрылись соседские ворота, и сквозь щель он услышал:

— Эй, Иван, никак к князю пошел?

Иван остановился.

— К нему.

— Не боязно? — спросил сосед. — Ты знаешь, что ночью-то было?

— Знаю. Боярина нашего казнили с людьми его. Теперь у нас новый господин — великий князь Киевский. Потому на поклон идти надобно.

Он повернулся и пошел.

— Слышь-ка, Иван, — окликнул его сосед. — погоди, я с тобой.

По дороге к ним присоединялись другие селяне. Любопытство и предчувствие, что в их судьбе произошло нечто важное, перебороли страх.

Князь был уже на холме. Долго стоял, внимательно осматривая окрестности. Он видел, как отплывает лодья с Кучковичами, как подходят к холму жители Кучкова и близлежащих селений.

Мысль, мелькнувшая еще на реке, вновь пронзила его. Он повернулся к своей дружине и собравшимся людям.

— Будем здесь город ставить, — объявил Юрий Долгорукий. — И нарекаю град сей в честь Москвы-реки...

Так начиналась Москва...

Недолго оставался великий князь в Москве. Поспешил вскоре во Владимир, где сосватал Улиту за своего сына князя Андрея Суздальского. Сыграли свадьбу. В качестве подарка Юрий Долгорукий передал сыну Москву и завещал населять и украшать новый град.

Пришло время возвращаться великому князю в Киев. С ним поехал и сын Андрей Юрьевич. Тем же летом вернулся он во Владимир и привез с собой из Киева икону святой Богородицы.

Князь приказал украсить икону Богородицы золотом и серебром, камнями

драгоценными и жемчугом. Построил он во Владимире церковь каменную — храм Успения Пречистой Богородицы, позолотил купола и поставил в ней чудотворную икону Божьей Матери.

Тем и прославился князь Андрей. За то и любим был в народе. За то и прозвали его Боголюбским.

Одна лишь жена его — Улита — не любила Андрея. Не смогла простить смерти родного отца. Возненавидела мужа и замыслила убить его. Подговорила своих братьев — Кучковичей предать смерти Андрея. Ночью пришли они к князю, накинулись на него спящего и убили.

Разнеслась по Руси весть о великом злодействе, об убийстве князя Владимиро-Суздальского Андрея Боголюбского. Услышал об этом Всеволод Юрьевич, брат Андрея, и решил отомстить убийцам. Без промедления прибыл он из Киева во Владимир и казнил Петра и Акима Кучковичей. Бросил их тела в

озеро — не хотел злодеев земле предавать. А Улиту велел повесить на воротах города и убить стрелами из луков.

Отомстив за брата, Всеволод Юрьевич занял владимирский престол. Правил он долго, и имя его было славно по всей земле Русской.

Так заканчивается легенда об основании Москвы. Как во всякой легенде, в ней переплелись вымысел и реальные события.

Со временем маленький городок Москва, приютившийся на окраине Владимирского княжества, стал крупнейшим русским городом и столицей Российского государства. История Москвы удивительна, она полна трагических и великих событий.

Данилов монастырь.

Икона Владимирской Богоматери привезена в Киев из Константинополя. По преданию, была написана Лукой, одним из апостолов Иисуса Христа. Икона считалась на Руси чудотворной, и после перенесения ее во Владимир стала главной святыней, «заступницей» Владимиро-Суздальской земли, а позже Москвы и Московского царства.

Успенский собор во Владимире сооружен в 1158—1160 годах. Главная святыня Северо-Восточной Руси. Успение — один из двенадцатых христианских праздников, падающий на 15 (28) августа и установленный в воспоминание о кончине Богородицы.

Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, великий князь Владимиро-Суздальский (1176—1212). Расширил границы своего княжества. Был главой большой семьи, за что и получил свое прозвище.

Впервые Москва упоминается в русской летописи под 1147 годом. А в 1156 году великий князь Юрий Владимирович Долгорукий «заложил Москву», то есть обнес город рвом и деревянной стеной.

Прошло 80 лет со дня основания Москвы. Город рос, умножался людьми. Москва постепен-

но становилась важным торговым и оборонительным пунктом Северо-Восточной Руси. В 1237 году на Русь вторглись полчища кочевников-монголов Батые. Русь была раздроблена и ослаблена междоусобными войнами и не смогла противостоять огромной армии Батые. Первым пало Рязанское княжество. Разорив и разрушив Рязань, монголы двинулись на Коломну, откуда прямой путь лежал на Москву и через нее на Владимир — в центр Северо-Восточной Руси.

Полки из Владимира поспешили на защиту Коломны. Из-за численного превосходства Батый разгромил русское войско. Коломну постигла участь Рязани. Остатки московского войска бежали в Москву и стали готовиться к обороне. Владимирский князь Юрий Всеволодович (сын Всеволода Юрьевича) посылает на защиту Москвы своего сына Владимира.

В январе 1238 года войско монголов подошло к Москве. Москвичи ответили, что лучше погибнуть, чем пойдут в плен. Все жители города от мала до велика встали на защиту Москвы. Но силы были неравны. В беспощадном бою погибли они. Никого не осталось в живых, лишь князь Владимир Юрьевич попал в плен. Город и церкви его были разграблены и преданы огню.

Прошло немного времени, и сюда снова пришли люди. Москва вновь отстроилась. Не раз еще после этого город возрождался из пепла.

История возвышения Москвы была долгой и кровопролитной. Началась она с первого московского князя Даниила Александровича (1272 — 1303). Даниил Александрович был умным, хитрым политиком и храбрым воином. Ему удалось присоединить к княжеству два важных для обороны Москвы города — Коломну и Переяславль-Залесский. Москва стала одним из важнейших центров Северо-Восточной Руси.

Даниил Александрович был младшим сыном Александра Невского, победителя шведских и немецких рыцарей. В 1301 году он отнял у рязанских князей Коломну; после смерти своего племянника Ивана Дмитриевича Переяславского присоединил к Москве Переяславль-Залесский (1302); основал Данилов монастырь близ Москвы, где и был похоронен.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ. ЮРИЙ ДАНИЛОВИЧ

В марте 1303 года умер князь Даниил Александрович, оставив пятерых сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Афанасия и Бориса. Московским князем стал старший сын Юрий — человек хитрый и отчаянно храбрый. В это время он находился в Переяславле. Нельзя было оставлять город, присоединенный к Москве всего лишь три месяца назад. Опоздал Юрий на похороны отца. Вернувшись в Москву, он созвал братьев на совет.

Собрались братья в княжеском тереме. Отослали бояр и слуг. Молча выпили по чаше вина, помянув отца. Так же молча посидели еще некоторое время, склонив головы. Каждый думал о своем, но была у них и одна общая дума: какие перемены их ждут, а главное — какая ответственность свалилась на плечи нового князя Юрия Даниловича. Ему от роду всего двад-

цать два было, Ивану — двадцать один, остальным и того меньше.

Сам же Юрий думал о другом. Он всматривался в лица младших братьев и

пытался понять, с кем они теперь — с ним или каждый за себя? Его опасения были не напрасны: уж сколько раз на Руси в борьбе за власть, за княжеский престол брат шел против брата.

Наконец Юрий встал. Братья подняли головы. Их лица были угрюмы и сосредоточенны. Знали, что разговор будет серьезным. «Нет, — подумал он, — так ничего не получится». И снова сел.

— Братья, — начал он немного погодя. — Отец передал нам Московское княжество (он умышленно сказал «нам», а не «мне») и завещал приумножать его и спасать от разорений. Не будет добра, если вспыхнет меж нами ссора.

Он замолчал и напряженно поглядел на братьев. Сказано главное. Что ответят они? Вперед чуть подался Иван.

— Что верно, то верно, княже. Раздоры нам ни к чему.

Юрий слегка улыбнулся. «Да, на Ивана можно положиться».

— Только сильный может противостоять сильному, — продолжил Юрий. — И для того чтобы княжество Московское окрепло, я ни перед чем не остановлюсь. Надо будет, поеду в Орду на поклон к хану Тохте.

— Что ж, — вставил Иван, — наш дед Александр Невский не гнушался ладить с татарами.

— Клянетесь ли вы помогать мне в деле, завещанном отцом нашим? — спросил Юрий.

В едином порыве братья встали:

— Клянемся!..

В этом же 1303 году Юрий Данилович захватил Можайск. Все течение Москвы-реки перешло под контроль московского князя. Через три года после присоединения Коломны Московское княжество увеличилось вдвое.

Юрий Данилович посчитал, что может теперь претендовать на великокняжеский ярлык. Звание великого князя

давало преимущества перед другими русскими князьями: это и покровительство Золотой Орды, и право сбора дани с других княжеств.

Прошло, однако, 14 лет, прежде чем пробил час Юрия. В Орде умер хан Тохта — покровитель великого князя Михаила Ярославича Тверского. Юрий Данилович засобиравшись в Орду, к новому хану Узбеку. Почти 30 лет правил тот Ордой, при нем стала она одним из крупнейших государств.

Зима тогда выдалась студеной, морозная. Но что ж делать, ехать надо. Провожали князя на берегу Москвы-реки. Все родные его, братья, бояре пришли попрощаться — увидятся ли еще когда? Не всякий князь живым из Орды возвращался.

На замерзшей реке уже стояли несколько саней, груженных дорогим добром — мехами, одеждой, оружием, деньгами, украшениями — и ждали отправления.

Князь обнялся с родными. Каждому дал наставление. Последним был Иван.

— Оставляю Москву на тебя. Не в первый раз, посему знаешь, что делать.

Иван с болью посмотрел на груженные возы. Сказал:

— Добра-то сколько увозишь, князь. Жалко. Ведь всю казну вычистил.

— Ничего, — ответил ему Юрий и засмеялся. — Ты ее быстро пополнишь, я тебя знаю.

И уже серьезно добавил:

— А добро это жалеть нечего. С пустыми руками к хану не след соваться. Чай, не гулять еду.

Князь ловко запрыгнул в сани, тщательно укутался мехами. Обернулся к родным:

— Прощайте. Ну, с Богом, пошли...

Караван саней отправился в дорогу. Вдоль всего берега стояли люди — вся Москва вышла проводить своего князя.

ЗОЛОТАЯ ОРДА, монгольское государство, основанное в 1243 году после возвращения Батые из его похода в Европу. Русские княжества находились от Золотой Орды в вассальной зависимости. В 1254 году ее столицей стал город Сарай-Бату на Волге, куда стекалась дань с русских княжеств. В XV веке Золотая Орда распалась на Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и другие княжества.

Сняв шапки, они кланялись Юрию Даниловичу и желали ему удачи...

Путь в Орду предстоял неблизкий: по замерзшей реке до Коломны, оттуда по Оке до Волги, а там уж прямо до Сарая — столицы Золотой Орды, в ставку хана.

Коротать время Юрию Даниловичу помогали думы. Он вспомнил, как в 1304 году уже ехал этой дорогой в Орду за ярлыком на великое княжение. В тот раз не повезло. Узнав о смерти великого князя Владимирского и что за ярлыком отправился Михаил Тверской, он тоже ринулся в Орду: а почему бы нет? Уж чего-чего, а дерзости ему не занимать. А что, потягался бы с Михаилом! Да митрополит Максим задержал его во Владимире. Долго уговаривал не ходить в Орду. Убеждал: говорил, мол, с Михаилом, он тебе даст любые волости, какие пожелаешь.

— Да о чем ты, владыко? — хитрил Юрий. — Я так, в Орду по своим делам

еду. И не надо мне ярлыка. Своих дел хватает.

Не смог удержать его митрополит Максим, но в Орду Юрий все же опоздал.

Неудача не сломила Юрия Даниловича, лишь еще больше раззадорила. Он привык добиваться желаемого. Где силой, где хитростью он настойчиво усиливал свои власть и влияние.

Появление опасного соперника не на шутку обеспокоило Михаила Тверского. Между Тверью и Москвой разгорелась война. Михаил Ярославич предпринял два похода на Москву, подходил к стенам города, но взять так и не смог.

Тяжелое было время для Московского княжества. «Трудновато приходилось, — подумал Юрий и поежился. — Силен был тогда тверич, но мы выстояли. А теперь наш черед пришел. — Он повернулся на другой бок. — Только бы хана Узбека на свою сторону переманить». И заснул...

Прибыв в Орду, Юрий Данилович прожил там три года. Он щедро одаривал хана и его приближенных, льстил Узбеку, унижался, но добился-таки расположения хана. Узбек настолько стал доверять Юрию, что выдал за него свою сестру Кончаку. И наконец Юрий Данилович получил то, чего так страстно добивался, — хан Узбек пожаловал ему титул великого князя.

Из Орды Юрий вернулся с татарским войском, горя желанием разгромить Тверское княжество. Однако в 1317 году Михаил Тверской наголову разбил его войско. В плен попали татарский вождь, жена Юрия Кончака и его брат Борис. Сам князь бежал в Новгород.

Вскоре после этого в плену у Михаила умерла Кончака. Хан Узбек не простил этого. Вызвал Михаила к себе в

В 1325 году Юрий был убит тверским князем Дмитрием, сыном Михаила, отмстившим за отца. Весь народ в Москве оплакивал своего князя.

Дело Юрия продолжил его брат Иван, прозванный Калитой.

Орду и казнил лютой смертью. С главным соперником Москвы было покончено. Воистину, не было бы счастья, да несчастье помогло.

...Москва разрасталась не по дням, а по часам. При Иване Даниловиче город стал отстраиваться и украшаться.

По совету главы русской православной церкви митрополита Петра Иван возвел в Кремле каменный храм Успения Пречистой Бого-

как главного политического и церковного центра Руси.

Кроме Успенского храма, много еще церквей было построено как в Кремле, так и на Посаде. Наконец Иван Калита укрепляет сам Кремль, обнеся его крепкой дубовой стеной. Москва стала обретать облик стольного города.

Одновременно с бурным строительством в Москве Иван Данилович продолжал расширять границы княжества. Причем старался по возможности делать это без кровопролития. Он просто скупал за деньги города...

Собирались земли вокруг Москвы, и постепенно она превратилась в центр, вокруг которого объединялась Русь. С ростом и усилением Москвы в русском народе крепла надежда на избавление от монголо-татарского ига.

родицы, ставший главной святыней не только Москвы, но всей Северо-Восточной Руси. Преемник Петра митрополит Феогност поселился в Москве. Перенесение сюда митрополичьей кафедры, пожалуй, окончательно определило место Москвы

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ. ИВАН КАЛИТА

Поздней ночью, когда Москва уже затихла, в великокняжеском дворце в Кремле светилося одно окошко. Здесь, в небольшой дворцовой палате, трудились два человека. Один — тщедушного вида дьяк, писарь по прозвищу Кострома, склонился над столом с пером в руке. Над ним горела свеча, освещающая его работу. Дьяк старательно выводил буквы, превращая их в слова. Время от времени он вытирал перо о свою жидкую, поредевшую бороденку, макал его в чернильницу и вновь начинал писать.

Второй сидел в кресле у небольшого оконца, из которого с трудом пробивался бледный свет луны. Это был великий князь Иван Данилович Калита. Одет он был просто, по-домашнему, так что узнать сейчас в нем князя было невозможно. Впрочем, ничего такого «княжеского» — силы, властности, гордой осанки — не было ни в его фигуре,

ни в повадках. Но это был самый сильный и могущественный князь на Руси, которого все боялись и уважали.

Великий князь был уже далеко не молод. Шутка ли — шестой десяток! И пусть это еще не старость, но кто из князей доживал хотя бы до пятидесяти? Думы об этом не давали покоя великому князю, потому и не спал он, диктовал духовную грамоту — свое завещание.

Он встал с кресла, прошелся по комнате.

— Пиши. Старшему сыну моему Симеону отдаю в правление города Можайск и Коломну и города и волости, к ним принадлежащие...

Дьяк старательно стал писать.

— Второму сыну моему Ивану передаю города Звенигород и Рузу с волостями. Третьему сыну Андрею — Серпухов.

Он остановился. Разрослось его владение, многими городами и селами приумножилось за годы его правления. Да и людьми тоже. Вспомнился совет братьев у Юрия после смерти отца. Тогда Москва была еще небольшим уделом. А теперь? Первое, богатейшее княжество на Руси.

Князь с любовью погладил толстый кошель — калиту, висящий у него на поясе. С ним Иван никогда не расста-

ИВАН КАЛИТА, сын Даниила Александровича, князь Московский в 1325—1340 годах. Иван Данилович Калита не был столь воинственным, как его старший брат Юрий. Унаследовав от него московский престол в 1325 году, Иван Данилович повел дело иначе. Ему удалось прекратить междоусобные войны. Получив ярлык на великое княжение, он стал собирать дань...

вался. За то и прозвали его на Руси Калитой. Что ж, прозвище не обидное, а, наоборот, почетное. Мечом махать дело нехитрое, а вот сохранить и приумножить княжество в окружении кровожадных соседей не каждый сможет.

Он вспомнил свое боевое крещение. Тогда князь Юрий первый раз поехал в Орду, оставив Москву на Ивана. Тут же пришло из Твери тайное донесение, что войско тверское во главе с боярином Акинфом идет на Переяславль.

Иван хорошо знал Акинфа. Совсем недавно появился он вместе с другими боярами на Москве. Сильный, ловкий, настоящий богатырь, да к тому же сорви-голова. Такие люди были крайне нужны князю Юрию. Его приняли в Москве, стали выделять среди других. Но вслед за ним на службу в Москву приехал из Киева известный, богатейший боярин Родион Нестерович, приведя с собой 1700 своих лю-

дей. Самолюбие Акинфа было задето — не хотел быть вторым. Бросил Акинф все и уехал в Тверь к Михаилу Ярославичу. А теперь шел на тех, кому совсем недавно обещал свою службу и преданность.

Иван, наскоро собрав войско, ринулся в Переяславль. Город встретил его набатом вечегового колокола. Жители радостно приветствовали Ивана, кричали: «Не пойдем под князя Тверского. Мы с Москвой».

Когда Акинф подошел к Переяславлю, город был готов к обороне.

Два дня осаждал Акинф город, не решаясь начать приступ. А на третий подоспел из Москвы Родион Нестерович с боярской дружиной, ударил в тыл тверичам и разбил их. С позором бежало тверское войско. Родион убил Акинфа, а его голову поднес Ивану: «Вот, господине, голова твоего изменника!»

Не раз еще приходилось Ивану Дани-

ловичу братья за меч. Но воевал он только тогда, когда его к этому принуждали.

Князь вновь сел в кресло, кости ломали.

— Надо бы в баньку завтра, попариться, — сказал он.

Дьяк вновь вздрогнул.

— Да ты не спишь ли часом? — спросил Иван Данилович.

Дьяк встрепенулся:

— Задумался, княже.

— На чем мы остановились?

— «Княгине Ульяне, — прочитал написанное дьяк, — с дочерьми

моими Марией и Феодосией передаю следующие волости...»

— Да, верно, — подтвердил князь и продолжил диктовать завещание.

Некоторое время спустя князь встал, зачерпнул полный ковш кваса и жадно выпил — в горле пересохло. Не спеша подошел к окну.

В бледном свете луны был виден силуэт Успенского храма, который князь недавно построил. Славное дело сотворил, богоугодное. Это митрополит Петр уговорил его поставить на Москве храм каменный в честь Богородицы — заступницы всех честных христиан.

Иван Данилович с теплотой

вспомнил Петра, великого митрополита русского. В отличие от своего предшественника Максима, Петр тяготел к Москве, не раз приезжал сюда, ко княжескому двору, и всегда встречал здесь достойный прием и уважение. Иван, как, впрочем, и все русские люди, глубоко почитал Петра — скромного, невластолюбивого, безразличного к деньгам и роскоши.

И вот случилось так, что несколько епископов обвинили Петра в торговле церковными должностями. Обвинение поддерживал великий князь Михаил Тверской, невзлюбивший владыку за его самостоятельность. Лишь Москва не побоялась выступить в защиту митрополита. На соборе в Переяславле Петр был оправдан.

После смерти Юрия Даниловича Петр переехал в Москву. Тогда-то и уговорил он Ивана заложить храм Успения в Кремле. Иван Данилович выполнил волю митрополита. Через год Петр умер, не дождавшись окончания строительства. По его желанию он был похоронен в этом храме...

Князь отошел от окна. Не зря жизнь прожита, многое сделано. Главное — Тверь побеждена.

А сколько еще дел впереди. Вот стены новые у Кремля начал строить, дубовые, крепкие. Не забыть бы завтра дать кое-какие указания по строительству.

Он повернулся к дьяку:

— А теперь самое важное. Пиши. Москву, отчину свою, передаю всем троим сыновьям в равное владение. И каждому треть доходов с нее. Теперь все!..

Через год великий князь Московский Иван Данилович Калита умер. Но память о его правлении навсегда осталась в народе. «Была тогда, — писали современники, — тишина великая, и перестали татары воевать Русскую землю и убивать христиан, и отдохнула Русь от многих тягостей и насилий».

В годы правления сыновей Ивана Калиты Симеона Гордого (1340—1353) и Ивана Красного (1353—1359) Московское княжество еще больше окрепло. Симеон за властность и высокомерие был прозван Гордым. Своим необузданным характером он напоминал больше Юрия Даниловича, чем отца. Он заставил считаться с Москвой Новгород и Литовское княжество.

В 1352 году на Русь пришла «черная смерть» — чума. Страшная эпидемия опустошала целые города и деревни. В начале 1353 года чума докатилась до Москвы. Смерть настигла митрополита Феогноста, детей Симеона, его младшего брата и, наконец, самого московского князя.

Иван II, прозванный Красным, т.е. Красивым, был, в отличие от старшего брата Симеона Гордого, слабым и нерешительным князем, чем попытались воспользоваться удельные князья. Однако сила и авторитет Москвы настолько возросли к тому времени, что поколебать их было уже невозможно. Более того, Москва уже могла противостоять Золотой Орде, что и сделал сын Ивана Красного Дмитрий Иванович (годы правления 1359—1389).

Когда Дмитрий вступил на московский престол, ему было всего 10 лет от роду. Фактическим правителем Москвы стал митрополит Алексей — один из самых известных деятелей того времени. Благодаря ему Московское княжество не только не потеряло своего могущества, но и еще больше окрепло. Будучи воспитателем юного Дмитрия, он научил его искусству государственного управления и заветам первых московских князей.

Тем временем с запада Москве стало угрожать могущественное Литовское княжество. В XIII—XVI веках оно включало в себя территории Литвы, Белоруссии, часть Украины, в ходе Ливонской войны объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую (1569).

Поняв, что столкновение с Литвой неизбежно, Дмитрий Иванович и митрополит Алексей решают в 1367 году обнести московский Кремль стеной из белого камня. Новый, белокаменный Кремль спас Москву. В том же году литовский князь Ольгерд подошел к городу, пожег церкви,

монастыри, жилые дома, но на штурм Кремля так и не решился. Разорив окрестные села, Ольгерд с огромным количеством пленных вернулся в Литву. В 1369 году Ольгерд второй раз подходил к Москве, но взять ее так и не смог. В результате Ольгерд вынужден был заключить с Дмитрием Ивановичем мир.

С этого времени вся жизнь Дмитрия была подчинена войнам. В бесконечных сражениях и походах оттачивалось полководческое искусство князя. Немало талантливых военачальников родилось в его окружении.

Постепенно его политическая активность перешла с Запада на Восток. Дмитрий стал угрожать Золотой Орде. В 1378 году московское войско Дмитрия Ивановича разгромило на реке Воже вторгшееся на Русь татарское войско во главе с Бегичем.

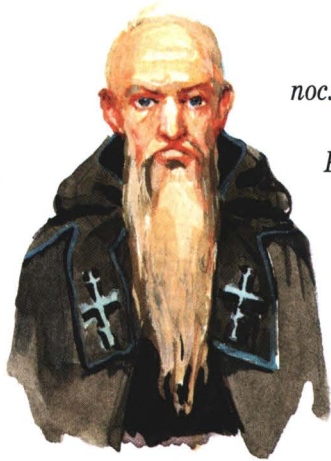
В 1380 году еще большее войско татар во главе с Мамаем двинулось на Русь проучить московского князя. Дмитрий Иванович принял вызов. По его призыву к Москве стали стекаться полки из Ярославля, Ростова, Устюга, Белозерска и других русских городов. Объединенное русское войско встретило татар на Куликовом поле у реки Дон, где наголову разбило золотоордынцев. Многим удалось спастись бегством.

После Куликовского сражения Дмитрий Иванович получил прозвище Донской, а Москва стала символом сопротивления татарскому игу.

Несмотря на поражение, Орда была еще настолько сильна, что смогла собрать новое войско и через два года после Куликовской битвы взять Москву, предав ее огню и разрушению.

В 1389 году на московский престол вступил сын Дмитрия — Василий I, правивший до 1425 года. Он установил мирные отношения с татарскими ханами и дружбу с литовским князем Витовтом (в 1406 — 1408 годах он воевал с Московским княжеством), что было скреплено его женитьбой на дочери Витовта — Софье.

ФЕОФАН ГРЕК (ум. после 1405), иконописец, родом из Византии. Расписал Благовещенский собор в Московском Кремле. Один из самых известных мастеров живописи на Руси.

ИВАН III, великий князь Московский в 1462—1505 годах. Завершил объединение большей части Руси, присоединив к Москве Ярославль, Новгород, Тверь и другие города и земли.

ВАСИЛИЙ II ТЕМНЫЙ, великий князь Московский в 1425—1462 годах. Во время междоусобной войны русских князей был взят в плен и ослеплен Дмитрием Шемякой. Отсюда его прозвище — Темный.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ (ум. ок. 1430), крупнейший мастер московской школы живописи. Наиболее известное произведение — икона Троица. Расписал многие соборы на Руси.

Несмотря на то что по характеру Василий Дмитриевич был нерешительным, осторожным и даже робким, ему удалось присоединить к Москве Нижегородское княжество и другие русские земли. При нем в Москве появилось несколько новых каменных церквей — Рождества Богородицы, Благовещения и др. На годы его княжения пришелся расцвет русской художественной школы, связанной с именами таких великих живописцев, как Феофан Грек и Андрей Рублев.

Эпоха Василия I не была, однако, спокойной и безоблачной. В первые десятилетия XV века на Московское княжество обрушилось сразу несколько бедствий. В 1409 году — нашествие татар во главе с Едигеем. В 1415 году — страшный пожар спалил дотла Москву. Два года спустя начался новый «великий мор» на Руси, унесший огромное число жизней. В 1422 году — голод, охвативший многие русские земли.

Не успел русский народ оправиться от этих бед, как пришла новая напасть. Началась дли-

тельная междоусобная война, разгоревшаяся в годы правления сына Василия Дмитриевича — Василия II Темного. В борьбе за великое княжение против Василия II выступил его дядя Юрий Дмитриевич Галицкий и Звенигородский, а затем продолжили его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Современники назвали эту войну «Шемякиной смутой». Постоянные погромы и разорения, возобновившиеся набеги татар буквально опустошили Русь.

Стало ясно, что необходима сильная центральная власть, которая и явилась вскоре в лице сына Василия II Ивана III, объединившего русские земли в единое государство. Закончился период раздробленности и междоусобиц. А в 1480 году — сто лет спустя после Куликовской битвы — пало татарское иго.

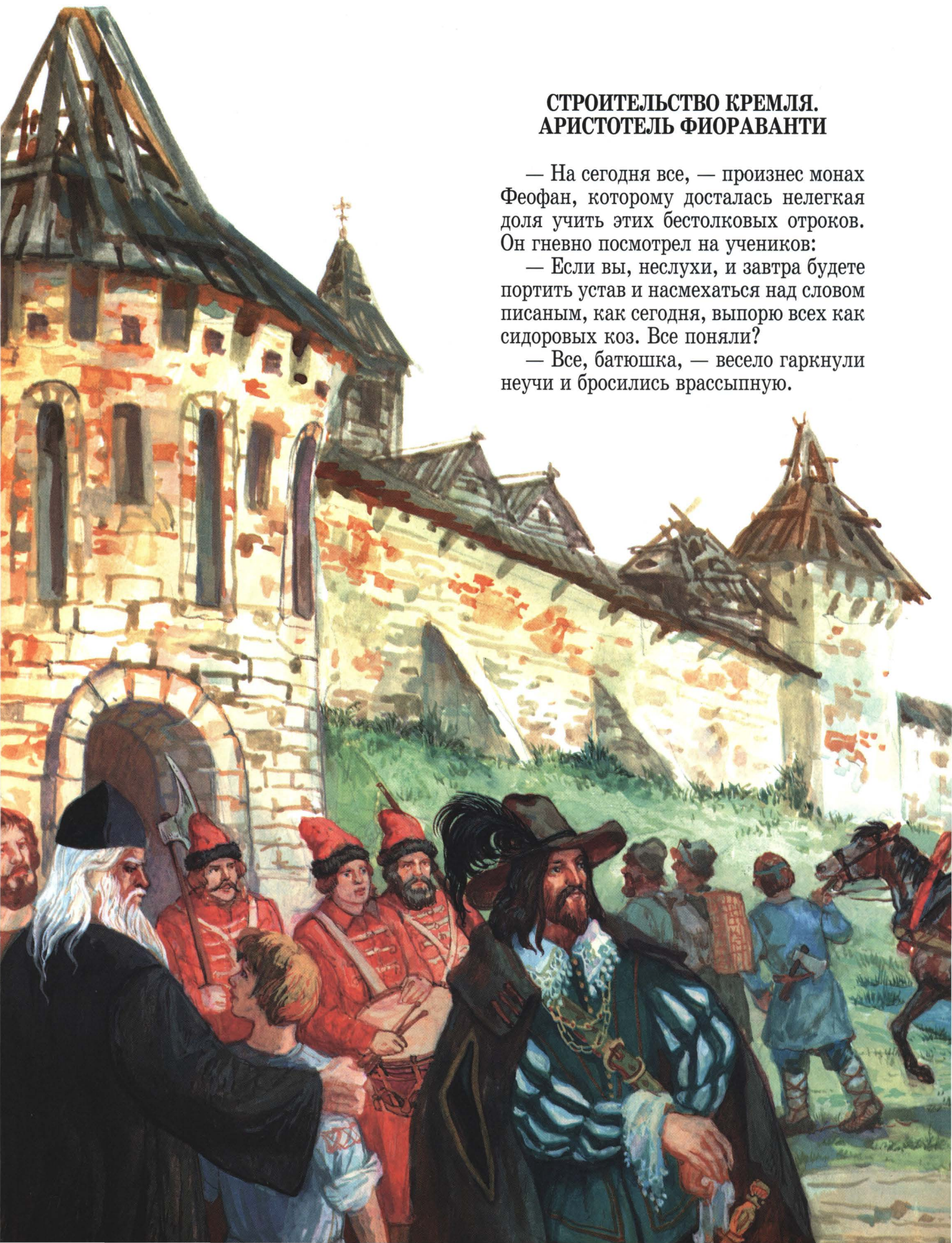
Новое положение Москвы как столицы огромной державы требовало новых символов и атрибутов власти. Началась грандиозная по масштабам перестройка Кремля — главной твердыни Московского государства.

СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕМЛЯ. АРИСТОТЕЛЬ ФИОРАВАНТИ

— На сегодня все, — произнес монах Феофан, которому досталась нелегкая доля учить этих бестолковых отроков. Он гневно посмотрел на учеников:

— Если вы, неслухи, и завтра будете портить устав и насмехаться над словом писаным, как сегодня, выпорю всех как сидоровых коз. Все поняли?

— Все, батюшка, — весело гаркнули неучи и бросились врассыпную.

— А ты, Феодор, останься! — крикнул Феофан.

Федька, один из младших, но самых прилежных учеников, скорчил гримасу. Ну вот, сейчас вся компания убежит без него. А как хотелось бы вместе пройти по торговым рядам, подразнить купцов. Случалось, попадало им за это крепко, но зато было что вспомнить, а потом и синяками похвастаться. После собирались пойти на строительство Кремля посмотреть. Не повезло, опять монахи заниматься усадит.

Мальчик остановился, переминаясь с ноги на ногу.

— Слушаю, батюшка.

Феофан встал.

— Вот то-то, слушаться для вас, неучей, первое дело.

— Да я слушаюсь, — пролепетал Федька и почесал за ухом.

— Вот что, Феодор, нечего тебе озорничать с этими, — сказал монах и кив-

нул в сторону убежавших учеников. — Сейчас мы пойдем с тобой в Кремль, на строительство.

Мальчик от неожиданности изменил-ся в лице.

— Что это с тобой, — усмехнулся Феофан, — аль не хочешь?

— Я? Да я!.. — захлебнулся Федька. Это же надо, сбылась мечта.

— Вот то-то, — почему-то погрозил пальцем Феофан. — Да не якай мне, мал еще. Пошли.

Отец Феофан давно обещал отдать его в обучение каменных дел мастеру. Мальчик страстно мечтал стать зодчим. И не потому, что архитекторы были самыми

уважаемыми из мастеров, просто Федька был очарован каменными храмами и теремами. Дух захватывало, как подумаешь, что изумительный, величественный Успенский собор — творение рук человеческих. Сегодня наконец-то его ведут в Кремль определять в ученики.

Пройдя мимо торговых рядов, вышли к Кремлю. А там — стук, скрежет. Да, такого грандиозного строительства Москва еще не видывала. Мастеров созвали со всех концов земли Русской. Но заправляли всем приглашенные великим князем Иваном III итальянцы. Они и храмы перестраивали, и стены Кремля возводили со стрельницами и бойницами.

Строительство новых стен шло вдоль Москвы-реки. Со стороны же Посада еще сохранялась старая постройка — белокаменный Кремль, возведенный самим Дмитрием Донским. Правда, от белокаменного осталось одно название — стены сплошь закрывали деревянные заплаты.

Перед самым Кремлем тоже кипела работа. Но здесь не строили, а разбирали и ломали. По указу великого князя Ивана III сносились все постройки вблизи крепостной стены.

— Нехорошо это, — вздохнул монах.

— Что нехорошо, отец Феофан? — спросил Федька.

— Церкви разбирают, то и нехорошо. Церквями город красен.

— Церквями красен, а крепостью тверд. Феофан остановился, внимательно посмотрел на своего ученика:

— Понимал бы! Ишь, выучил тебя на свою голову!

Через покосившиеся, готовые вот-вот рухнуть Фроловские ворота они вошли в Кремль.

По левую руку у подножия Московского Кремля возводились кирпичные стены. Наверху каменщики укладывали кирпичи; внизу хлопотали чернорабочие и подмастерья.

В центре высилась первая, уже отстроенная Тайницкая башня. Начаты были две угловые — Беклемишевская и Свиблова.

Среди рабочих Федька заметил иноземца. В окружении нескольких мастеров он шел вдоль стены, ругаясь и отдавая распоряжения.

— А это кто, отец Феофан? — спросил он у монаха.

— Этот-то? Он здесь, на строительстве, самый главный! Три года как из Италии прибыл. Имя-то у него мудреное, а мы его Фрязиным кличем. У нас так всех итальянцев зовут. Вон как расходился-то. Да и то, с нашим братом иначе и нельзя. Знатный мастер, дело свое понимает. Пошли-пошли, Феодор, нам с тобой дальше.

Они двинулись в сторону центра Кремля, к Успенскому собору. Там тоже работали не покладая рук. Завершалось строительство Благовещенского собора — домашней церкви великокняжеской семьи. Здесь же стоял великокняжеский двор. Когда Федька понял, куда они идут, у него перехватило дыхание.

— Да неужто к великому князю идем? — прошептал он с испугом.

— Нужен ты великому князю, как юбка мужику, — усмехнулся Феофан.

Они остановились перед Успенским собором.

— Красота Божественная, — сказал монах, снял шапку, перекрестился и поклонился храму. — Яко великое солнце посреди Русской земли.

Федька тоже поклонился и сказал:

— Я тоже буду так строить.

Феофан оглянулся:

— Ну-ну. А знаешь ли ты, отрок, кто этот храм возвел?

— Знаю, — ответил Федька. — Аристотель строил. На Москве о нем много чего рассказывают...

— Рассказывают, — передразнил его Феофан. — Мелют языками. Великий это мастер, Феодор. Тебе до него, что грешнику до Града Небесного. Пошли, насмотришься еще на храмы святые.

Наконец они пришли к стройке, только недавно начавшейся. Вокруг фундамента суетились мастера и подмастерья. Собирались возводить стены.

— Чуешь, куда определяю тебя? — сказал Феофан. — Большую палату великокняжескую строить будешь.

Мальчик, оробев, молчал. А вдруг из него ничего не выйдет?

— Бог в помощь, мастера, — крикнул монах.

Со всех сторон раздался голоса:

— Гляди-ка, отец Феофан пожаловал.

— Никак опять привел кого-то.

— На кой нам малец?

Феофан обернулся:

— Зодчество — дело хитрое, и людей смысленных требует.

— А этот, значит, смысленный?

Феофан посмотрел на Федьку и серьезно сказал:

— Этот — смысленный!

Федька покраснел.

— Ну, раз так, — засмеялись мастера, — давай его к нам в начальники.

— Вместо меня? — послышался за спиной голос с сильным иноземным акцентом. — Здравствуйте.

Федька резко обернулся и упал под общий хохот, не иначе с испугу. Перед ним стоял аккуратно одетый, хотя и в фартуке, невысокий человек. Он добродушно смеялся. Это был, как позже узнал Федька, итальянский мастер Марк Фрязин, руководивший строительством.

Он подозвал рабочего:

— Димитрий, принимайте в ученики.

Подошел молодой подмастерье:

— Тебя как звать?

— Федькой.

— Ну, пошли, Феодор. Покажу тебе, что к чему.

Федька попрощался с отцом Феофаном, поклонился и пошел за Димитрием.

Начиналась новая жизнь...

Строительство шло ходко. Федор помогал готовить известь, шлифовать белый камень для облицовки дворца. Попутно изучал архитектурную науку: приглядывался, расспрашивал, все запоминал. Димитрий ему всячески помогал в этом. И однажды рассказал Федьке удивительную историю о том, как Аристотель Фиораванти оказался в Москве...

Ранним утром 1474 года на площади Святого Петра в Риме появился необычный человек: одет, хоть и богато, но чудно, не по итальянской моде, борода — метлой и до пояса. Явно чужеземец. Открыв рот то ли от удивления, то ли от восхищения, он рассматривал каменные дворцы и храмы. «Красота-то какая, Господи!» — бормотал он себе в бороду.

Но не на экскурсию прибыл он в «вечный город». Чужеземец искал дом мастера Аристотеля Фиораванти. Первый же встречный проводил его — Аристотеля в Риме знали все.

Когда дверь отворилась, на пороге предстал уже немолодой человек, невысокого роста, черноволосый, с благородным и гордым лицом.

— Я ищу мастера Аристотеля Фиораванти, — обратился к нему гость.

— Фиораванти перед вами, — ответил мастер. — С кем имею честь говорить?

— Семен Толбузин, — представился гость, — посол великого князя всея Руси Иоанна Васильевича. Имею до вас дело великой важности. Приказано мне просить вас ехать в Москву для постройки храма соборного. Велено также передать грамоту от царицы Софьи.

— Благодарю вас, — сказал Аристо-

тель. — С царицей Софьей Палеолог мы знакомы, встречались здесь, в Риме. Я польщен ее вниманием ко мне.

Прочитав грамоту, мастер не удивился. До этого его звали к себе венгерский король, Матвей Корвин, турецкий султан Махмед II. И деньги предлагали немалые...

— Какое жалованье будет за эту работу? — спросил он у московского посла.

— Десять рублей в месяц, — ответил Толбузин.

Аристотель вскинул брови от удивления. В Италии он получал тысячи флоринов за один заказ.

— За такую сумму, — сказал мастер, — вы во всей Италии не найдете ни одного охотника.

Толбузин, однако, ничуть не смутился:

— Знаю. Я уже предлагал нескольким мастерам, и все отказали. Однако увеличить сумму не уполномочен.

— Я подумаю над вашим предложением, — закончил разговор Аристотель.

На следующий день он пришел к послу московского великого князя и объявил: «Я согласен».

Кто бы мог подумать, что с этой встречи началась новая эпоха в истории Москвы? Почему же Аристотель согласился ехать в далекую Московию за столь ничтожное жалованье?..

Когда в 1415 году в семье Фиораванти, проживавшей в городе Болонья, родился мальчик, родители назвали его в честь великого древнегреческого мыслителя и ученого Аристотеля. Возможно, надеялись, что имя поможет ему сделаться знаменитым.

Мальчику не пришлось выбирать, кем стать. И отец, и дядя, и дед его были архитекторы. Так что профессию он получил по наследству. С раннего детства его обучали искусству строительства зданий и крепостей. Он выказал недюжинные способности. Но особенно увлекся Аристотель строительными механизмами: сперва улучшал старые, затем начал изобретать новые. И вскоре добился таких успехов, что к нему, юноше, стали обращаться за помощью опытные мастера-строители.

Он получал заказы от богатых горожан и властей города. Ему приходилось подправлять стены старых дворцов, возводить крепости. Италия славилась прекрасными строителями и инженерами. Но Аристотель удивил всех. Первыми ахнули его земляки, жители Болоньи, когда Аристотель «выпрямил» падающую колокольню.

Молва о «новом Архимеде» разнеслась по всей Италии. Его стали приглашать в другие города спасать готовые рухнуть сооружения. И Аристотель делал это с блеском. Он продолжал удивлять всех своими фантастическими идеями и проектами. В одном городе при выпрямлении колокольни он понял, что не сможет выполнить эту работу — слабый грунт не выдержит постройку. Другой на его месте отказался бы от этой затеи. Все понимали, что спасти колокольню невозможно. Аристотель же изобрел механизмы, при помощи которых передвинул колокольню целиком, не разбирая, на несколько метров в сторону. Такого мир еще не видывал. Впоследствии он еще не раз перетаскивал с места на мес-

то разные сооружения в Риме, Ченто, Болонье и других городах.

Для Аристотеля, кажется, не было ничего невозможного — строительство, ремонт, литье колоколов, пушек и монет, — все успевал он, и все делал блестяще. Власти Болоньи назначили пожизненное обеспечение Аристотелю и его семье за огромные заслуги перед городом. Чего еще желать знаменитому мастеру? И вдруг... началась полоса роковых неудач.

В Венеции рухнула церковь, которую восстанавливал Аристотель. Власти города обвинили его в недобросовестности. Мастеру не удалось доказать, что причина — в слабости грунта. Пришлось навсегда покинуть Венецию.

В 1470 году римский папа Павел II пригласил мастера в Рим. Предлагался очень выгодный заказ — передвинуть обелиск. Во время аудиенции, когда Аристотель собирался изложить свой проект, папа внезапно умер. Проект был отложен, и Аристотель вернулся в Болонью.

Прошло два года, и его вновь вызвали в Рим. Аристотель, полагая, что получит

новый заказ, бросил все дела и поехал. Каково же было его удивление, когда по прибытии он был арестован. Мастера обвинили в чеканке фальшивых монет. Началось следствие. До выяснения дела его отпустили, но без права покинуть Рим. Тут же Аристотель узнал, что власти Болоньи, которые считали его «удивительным гением, не имеющим себе равного во всем мире», сняли с него все привилегии и пожизненное обеспечение. Аристотеля охватило отчаяние.

В этот трагический момент и появился русский посол Семен Толбузин. Вот почему вопрос о вознаграждении мало интересовал Аристотеля. В январе 1475 года шестидесятилетний Аристотель Фиораванти в буквальном смысле бежит из Италии в Московию строить собор и крепость.

В Москве итальянского мастера ждали с надеждой и нетерпением. Великий князь Иван III затеял большое строительство: церкви каменные поставить, Кремль перестроить, чтоб стены повыше да покрепче были.

Начали в 1472 году с Успенского собора — главного храма Москвы и всей Руси.

Два года шли работы: ставили фундамент, возводили стены. И вдруг своды рухнули. Стал великий князь допытываться, почему храм обрушился. Бояре ответили, что перевелись на Руси мастера, забыли строительное ремесло. Разве что в Пскове еще можно сыскать мастеров каменных дел. Призвали в Москву псковских каменщиков. Те осмотрели развалины, похулили известь: некрепка, мол, не держит кирпич, но сами взяться за работу отказались. Страшно стало: в случае чего не помилует государь.

Тогда и вспомнила великая княгиня Софья об Аристотеле Фиораванти, с которым познакомилась в Риме три года назад. Она и предложила Ивану III пригласить итальянца в Москву. Одно смущало: согласится ли?..

В марте 1475 года знаменитый итальянец прибыл в Москву. Осмотрел останки храма, сказал:

— У вас не только известь неклеевита, но и кирпич нетверд. Все на слом.

Мастер тут же приступил к делу. Сорудил механизмы и в несколько дней организовал разборку неудавшегося храма, чем удивил всю Москву: ай да мастер приехал, два года строили, а он за неделю разобрал!

Аристотель еще не раз удивлял москвичей. Для кирпича нужна была новая глина, и он быстро нашел ее близ Андроникова монастыря, где сразу же был zaloжен кирпичный завод. Одновременно он обсуждал с великим князем, какого вида храм строить? Иван III предложил ему съездить во Владимир и осмотреть тамошний Успенский собор. Не раздумывая, Аристотель отправился в путь.

За одно лето он успел побывать во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Вологде, Устюге Великом, Старой Ладогe, Великом Новгороде, осмотрел лучшие образцы древнерусского зодчества и срисовал их.

Аристотеля потрясло увиденное. Таких храмов он еще никогда не встречал. В них поражали не изящество и роскошь, а скромность и величественность. Твердо стояли они на Русской земле, словно древние богатыри в шлемах. Во время путешествия по Руси у Аристотеля вызревает проект будущего храма, который должен вобрать в себя все лучшее, что создано древнерусскими и византийскими зодчими.

12 мая 1476 года происходит закладка Успенского собора в Кремле. Материал для строительства подготовили заранее и поэтому храм возвели по тем временам невероятно быстро. В августе 1479 года строительство было завершено и храм торжественно освятили.

Одновременно Аристотель руководит закладкой фундамента для стен нового Кремля. Размах работ, затеянных Иваном III, постепенно начинает пугать мастера, и он просит великого князя вызвать из Италии его учеников, на которых он полагается.

Вскоре в Москву приехали Пьетро Антонио Солярио, Марк и Петр Фрязины, другие итальянские мастера, которые счастливы были работать бок о бок со своим великим учителем. Солярио воз-

водит башни и стены Кремля, Марк Фрязин — Архангельский собор, закладываются колокольня Ивана Великого, Благовещенский храм...

Трудно перечислить, сколько Аристотель сделал полезного для Москвы. Он наладил чеканку монет для великого князя, создал русскую артиллерию, которой сам командовал в сражениях за Новгород и Псков.

В короткие сроки был построен Кремль из красного кирпича и церковный ансамбль. Главная цитадель Москвы и вся Руси приняла тот вид и границы, которые сохранились до наших дней.

Аристотель Фиораванти не дожидаясь конца строительства. Мы не знаем точно, когда он умер и где похоронен, но имя его будут помнить, пока стоит Московский Кремль и главное творение Аристотеля — Успенский собор...

Со временем и Федор, начавший учеником на строительстве великокняжеской Грановитой палаты, стал известным на Руси мастером. Всю свою жизнь он мечтал построить храм, подобный Успенскому собору. Но мечта его не сбылась. Стране больше нужны были крепости — время было суровое. И Федору пришлось возводить оборонительные сооружения, не раз спасавшие Русь от нашествия врагов.

После смерти Ивана III московский престол перешел к его сыну Василию III, власть при котором усилилась настолько, что он называл себя уже не князем, а самодержцем и царем.

Василий III продолжил строительную политику Ивана III. Украшалась внутренность кремлевских соборов, возводились новые церкви вокруг Кремля. Завершилось строительство Архангельского собора, достроен царский дворец, основан Новодевичий монастырь.

Особое место в русской истории занимает царствование Ивана IV Грозного, сына Василия III. Правление Ивана IV очень противоречиво. С од-

Донской монастырь.

ной стороны, Московское царство достигло наивысшего могущества, когда Иван Грозный покорил Казань, Астрахань и Сибирь. С другой — борьба царя с боярством, длительная Ливонская война за выход к Балтийскому морю вконец истощили людские и материальные ресурсы государства. Настоящим бедствием для России стало введение опричнины.

Вместе с тем Москва росла, отстраивалась, украшалась новыми храмами. Население Москвы увеличилось настолько, что на случай осады Кремль уже не смог бы вместить всех горожан. Возникла потребность в постройке крепких стен вокруг бывшего посада (Китай-города), что и было сделано в 1530-х годах. Большие строительные работы по перестройке и обновлению храмов и монастырей велись после катастрофического пожара 1547 года. Но венцом строительной деятельности Ивана Грозного стало возведение самого величественного храма Москвы — Покровского собора (более известен как храм Василия Блаженного) на Красной площади. Собор был поставлен в честь взятия Казани и покорения Казанского царства. Это была эпоха небывалого доселе взлета русской культуры.

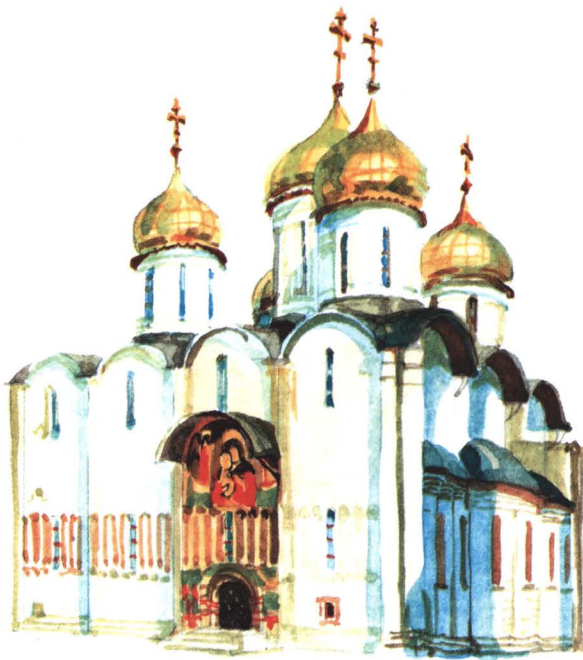
После смерти Ивана Грозного его сыну Федору Ивановичу досталось тяжелое наследие — разоренное опричниной и войнами государство. Федор был болезненным, слабым, простодушным и внешним видом походил, скорее, на монаха, чем на царя. Тем не менее годы его царствования были отмечены строительством каменной стены вокруг Белого города (или Царь-города) и деревянной стены «Скородома» вокруг посадов, выросших за стенами Белого города. За Скородомом был построен Донской монастырь, имевший важное оборонное значение для города. Москва стала одним из крупнейших городов Европы.

Федор Иванович умер, не оставив наследников. С ним угасла династия Рюриковичей, правившая на Руси со дня основания Киевского государства. На царство был избран боярин Борис Федорович Годунов. Новый царь оставил о себе память постройкой в Кремле колокольни Ивана Великого. Правление его оказалось недо-

лгим. Сначала голод, начавшийся в 1601 году, а затем появление самозванца Лжедмитрия подточили власть Годунова. Он умер в 1605 году. Началась эпоха, вошедшая в историю под названием Смутного времени.

Смута вконец расшатала основы российской государственности. Встал вопрос о независимости России, которая могла превратиться в провинцию Польши или Швеции, боровшихся между собой за влияние на Московию. Народ стал подниматься под знамя национального освобождения, поднятое Козьмой Мининым и князем Пожарским. В 1612 году народное ополчение подошло к Москве, взяло город приступом и после осады изгнало польских захватчиков из Кремля.

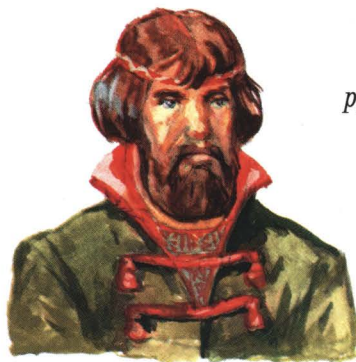
В 1613 году в Москве царем был торжественно провозглашен Михаил Федорович Романов, ставший основателем новой царской династии.

Успенский собор построен в 1475 — 1479 годах при Иване III. Современники называли его «земным небом», «сияющим, как великое солнце, посреди Русской земли». В Успенском соборе происходили торжественные обряды венчания на царство — «вокняжение», а позднее — в XVIII — XIX веках — коронование императоров.

**КНЯЗЬ КУРБСКИЙ
АНДРЕЙ МИХАЙЛО-
ВИЧ (1528—1583),**
боярин. Участвовал в
казанских походах,
Ливонской войне.
В 1564 году,
опасаясь опалы,
бежал в Литву.

ИВАН ФЕДОРОВ
(ок. 1510—1583),
русский первопечат-
ник. В 1564 году
выпустил первую
русскую печат-
ную книгу
«Апостол».

БОРИС ГОДУНОВ,
русский царь в 1598—
1605 годах, выдвинулся
при Иване Грозном,
брат жены царя
Федора Иоанновича.
С его правления в
России нача-
лась Смута.

ЛЖЕДМИТРИЙ (ум. 1606) —
самозванец Григорий
Отрепьев, выдававший
себя за сына Ивана
Грозного, Дмитрия.
В 1605 году был
провозглашен
царем. Убит
боярами.

МИНИН КОЗЬМА (ум.
1616), нижегородский
посадский, один из
организаторов борьбы
с польскими захват-
чиками. За героизм
получил в 1613
году чин думного
дворянина.

ВАСИЛИЙ IV ШУЙСКИЙ,
русский царь в 1606—1610
годах. Став царем, заклю-
чил союз со Швецией
против Польши,
что привело к
шведской интер-
венции. Умер
в 1612 году.

**ПОЖАРСКИЙ
ДМИТРИЙ МИХАЙ-
ЛОВИЧ (1578—1642),**
князь, организа-
тор народного ополче-
ния в 1611—1612
годах.

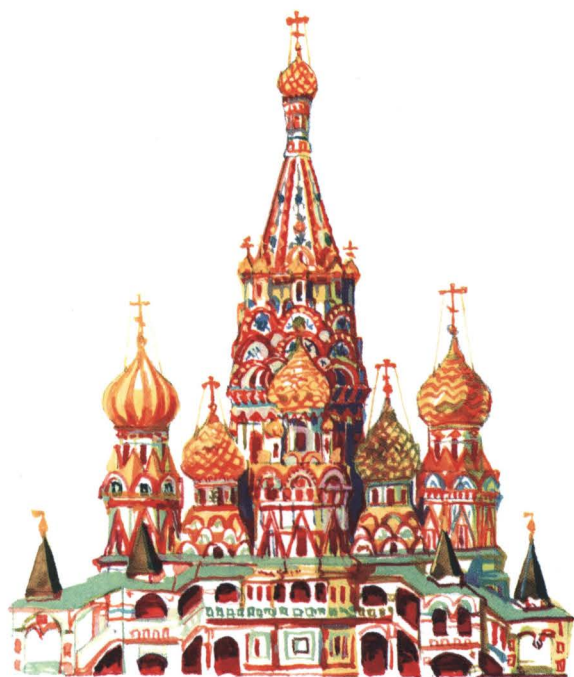
**МИХАИЛ ФЕДО-
РОВИЧ, первый**
русский царь из
династии Рома-
новых (годы
правления
1613—1645).

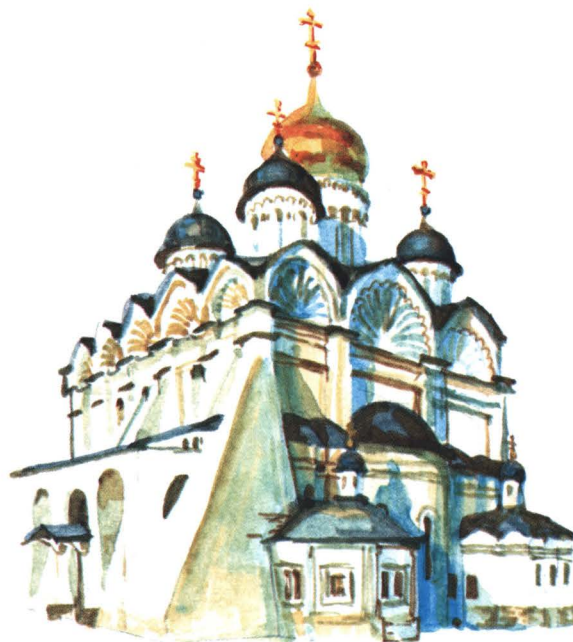

Благовещенский собор построен московскими мастерами в 1484 — 1489 годах. Служил домовою церковью великого князя и его семьи. Стены собора покрыты росписью, исполненной под руководством талантливого иконописца Феодосия — сына знаменитого Дионисия, а в интерьере — сокровище древнерусской живописи — деисус Феодана Грека.

Колокольня Ивана Великого.
Окончательно достроена
при Борисе Годунове.

Покровский собор построен в 1555—1559 годах зодчими Бармой и Постником.

Архангельский собор посвящен архангелу Михаилу. Второй по значению храм в Московском Кремле после Успенского собора. Служил усыпальницей великих князей и царей. Построен в 1505—1508 годах итальянским зодчим Алевизом Новым.

ОРДИН-НАЩОКИН

С раннего утра в Посольском приказе в Кремле — напряженная работа и суета. В огромной палате за длинными столами сидело около ста писарей-переводчиков — готовили деловые бумаги, переводили на русский язык иностранные книги, документы. Глаза у многих были красные от постоянного недосыпания — часто приходилось работать по ночам. Меж столов с бумагами и книгами сновали подьячие — служащие приказа. Дверь непрестанно открывалась и закрывалась — входили и выходили просители по своим делам, по-

сылные из других приказов и от иностранных послов. Последний из вошедших крикнул:

— Боярин идет!

Все разом смолкло и остановилось. В палату вошел невысокого роста человек в дорогом польском кафтане. Его холеные пальцы украшали дорогие перстни; лицо обрамляла аккуратно подстриженная бородка. Это был начальник Посольского приказа боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, правая рука царя Алексея Михайловича. Он остановился в дверях, хмуро глянул на подчиненных и прошествовал в свой кабинет. Прежде чем войти, обер-

нулся, крикнул: «Работайте!» — и так хлопнул дверь, что несколько чернильниц попадали на пол.

Подьячие зашептались: «Не в духе сегодня Афанасий Лаврентьевич-то».

Боярин действительно был сердит. Он рухнул в кресло, рывком расстегнул ворот рубахи — несмотря на утренний час, было уже довольно жарко. День обещал быть знойным и душным. На дворе стояло лето 1670 года.

Его раздражала не только жара. Не ладились дела государственные, а тут еще этот мятежник — вор и разбойник Стенька Разин. Окончательно боярин был выбит из колеи новостью, которую осознал только теперь: царь собирается жениться. И на ком! На Нарышкиной Наталье — дальней родственнице и воспитаннице думного дворянина Артамона Матвеева. То-то Артамон так обласкан царем в последнее время. Похоже, на его, Ордин-Нащокина, место метит. Афанасий Лаврентьевич хорошо знал Матвеева. Часто бывал у него дома. Их

НАРЫШКИНА НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВНА (1651—1694), царица, вторая жена Алексея Михайловича, мать Петра I.

МАТВЕЕВ АРТАМОН СЕРГЕЕВИЧ (1625—1682), боярин, руководил внешней политикой Московского государства с 1671 года.

сближали общие взгляды и образ жизни — оба были сторонниками западного просвещения и государственного устройства. Оба были образованными людьми, имели большие библиотеки, собирали картины европейских живописцев, носили польские наряды, и всем этим только восстанавливали против себя остальную московскую знать.

Государь Алексей Михайлович тоже бывал в доме Матвеева. Там он увидел Наталью Кирилловну, девушку видную, получившую прекрасное образование. Царь был вдов. Два года назад умерла царица Мария Ильинична. Долго оплакивал ее царь. Однако нельзя государю без супруги. В глубине души Нащокин одобрял выбор Алексея Михайловича, но пугало возвышение Матвеева. «В один час карьеру сделал», — с раздражением подумал Нащокин. Нервно дернулась щека. В отличие от других не знатностью или родством достиг он вершин власти, а трудом и усердием. И поэтому ненавидел тех, кто занимал высокие государственные посты лишь благодаря своему происхождению. Эти люди были способны только на

интриги. Он презирал их за то, что они, безграмотные отпрыски знатных княжеских родов, завидовали ему, знающему несколько языков.

Его мысли прервали. В кабинет вошел дьяк — первый помощник по приказу. В руках у него был ворох бумаг и пергаментов. Нащокин заметил, что тот сильно взволнован.

— Докладывай, — сказал боярин.

— Уж не знаю, Афанасий Лаврентьевич, с чего начать-то.

— Начни с главного.

Дьяк разложил на столе документы.

— Бумаги потом, — сказал Нащокин. — Говори!

— На сегодня назначен прием посланника польского короля.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, русский царь в 1645—1676 годах, сын Михаила Федоровича Романова. В годы его правления произошло воссоединение Украины с Россией (1654 год), усилилась центральная власть, начались перемены, подготовившие реформы Петра I.

ОРДИН-НАШОКИН АФАНАСИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ (ок.1605—1680) — русский дипломат, боярин, воевода. Руководил внешней политикой Московского государства в 1667 — 1671 годах. С 1654 года участвовал в русско-польской, а затем в русско-шведской войне 1656 — 1658 годов. В 1658 году вел успешные переговоры со шведами, завершившиеся Валиесарским договором. Участвовал в переговорах с Речью Посполитой и в подписании Андрусовского перемирия 1667 года, за что был пожалован в бояре и поставлен во главе Посольского приказа. Участвовал в составлении Новоторгового устава 1667 года, основал верфи на Западной Двине и Оке, был инициатором устройства почты между Москвой, Ригой и Вильно. В 1672 году постригся в монахи.

— Знаю, — сказал Нащокин. — Об этом после.

Он пристально посмотрел на дьяка. Щека опять дернулась.

— Чего тянешь? Говори!

Дьяк глубоко вздохнул, словно ему не хватало воздуха, и выдохнул:

— Ночью пришло донесение, что Саратов и Самара сдались Стеньке Разину.

Дьяк съежился и отступил на один шаг — знал взрывной характер боярина. Но тот молчал, только внимательно смотрел в окно. После небольшой паузы произнес:

— Так. Царь знает?

Дьяк удивился спокойствию Нащокина.

— Нет еще. Ждали вас.

Нащокин действительно взял себя в руки. Он умел подавлять раздражение, когда того требовало дело. Сейчас ему необходимо было все хорошенько обдумать и принять правильное решение.

Ситуация на Волге складывалась скверная. Еще год назад можно было остановить этого разбойника — донского казака Стеньку Разина. Но тогда Нащокин сделал большую ошибку — он решил договориться с Разиным и уладить дело

миром. В начале года он отправил на Дон своего посла Герасима Евдокимова с царской грамотой. Разину и его казакам обещалось государево прощение за чинимые разбои и милость за верную службу. Разин приказал убить посла.

В мае он взял Царицын, в июне — мощнейшую крепость Астрахань. Теперь вот еще Саратов и Самару.

Бесконечным потоком шли с Волги письма и донесения. Бояре и дворяне жаловались на чинимые Стенькой «пакости, кровопролития и убийства». Нащокин давно уже перестал читать эти жалобы. Во всех было одно и то же — «вор, злоумышленник, изменник, клятвопреступник, разбойник, душегубец, человекоубийца, кровопивец...» Все просили о помощи. А где взять силу, чтоб справиться с Разиным? По всему Поволжью вспыхивали бунты, со всех концов России к Стеньке бежали холопы, беднота, староверы. Города один за другим сдаются без боя, гарнизоны переходят на сторону Разина...

Надо срочно принимать какое-то решение. Бунт зашел слишком далеко. Нащокин встал:

— Душно сегодня.

Дьяк согласно кивнул:

— Который день жара, Афанасий Лаврентьевич. Замаялись от нее.

— Не жара душит, а бунтовщики. С невеселыми новостями мне на доклад к царю идти, — сказал Нащокин не то самому себе, не то дьяку.

Тот понимающе кивнул.

— Ладно, что за бумаги принес?

Дьяк подошел к столу и стал разбирать ворох:

— Это жалобы воевод и бояр на злодеяния Разина...

— Сколько раз тебе говорил не приносить мне их больше, — сказал Нащокин. Раздражение стало возвращаться. Он резким движением руки скинул бумаги на пол. — Здесь что?

— Счета по таможенным сборам и откупам с питейных заведений.

Нащокин и эти бумаги сбросил на пол.

— Сколько можно мешать посольское дело с кабацкими откупам!

Дьяк осторожно сказал:

— Что ж делать, Афанасий Лаврентьевич? Это же к нашим обязанностям относится.

Нащокин стукнул кулаком по столу.

— Знаю! Потому и идет у нас все кувырком, что не своими делами занимаемся.

Его давно уже злило, что Посольский приказ ведал совершенно посторонними делами. Приходилось заниматься производством снарядов и пушек, рудным делом, следствием по торговым и политическим делам. В ведении приказа находились и донские казаки — вот уж от кого действительно головная боль.

Так было и в остальных приказах. Не отсюда ли страшные безобразия и злоупотребления в управлении государством? Несколько раз Нащокин говорил с государем, убеждал в необходимости изменить систему управления, чтобы навести в ней порядок. Предлагал в целом изменить политику государства: ведь чем приказы и воеводы занимаются? Как бы побольше содрать с купцов и казну наполнить.

Царь соглашался с ним, но ничего не менял. Не следует, мол, во время войны реформы проводить. А когда мы не воевали? Только при Нащокине Россия провела тяжелейшие войны с Польшей, Швецией, крымским ханом. Теперь вот — со Стенькой Разиным.

— Что-нибудь еще важное есть? — спросил Ордин-Нащокин у дьяка.

— Есть еще по мелочам...

— С мелочами сам разберешься.

Он встал и направился к двери.

— Я в Заиконоспасский монастырь, оттуда — к царю.

Дьяк поклонился и стал собирать бумаги.

Выйдя из приказа, Нащокин поморщился. Было ощущение, что он попал в парную. Жара стояла невыносимая. Золотые купола кремлевских храмов сверкали так ослепительно, что казалось — не одно, а несколько солнц решили испепелить Москву.

Он сел в повозку и приказал возничему ехать в Заиконоспасский. «Похоже, не миновать пожаров», — подумал он и вытер выступившие на лбу капельки пота.

Выехав из Кремля через Никольские ворота, повозка направилась в сторону Китай-города. Чуть вдалеке, справа, перед Покровским собором, располагались Торговые ряды и Гостиный двор, построенный по указу Алексея Михайловича. Оттуда доносились шум, крики, зывал, торговцев, расхваливающих на все лады свой товар.

— Ох уж эти торговцы! — вздохнул Нащокин. С одной стороны, ему, как

лицу государственному, лестило, что Москва стала одним из крупнейших торговых городов Европы, что сюда ехали купцы со всего света. С другой — досадно было смотреть, что лучшие места в торговых рядах заняты иноземцами. У них и чище, и товары лучше, и все не на улице, а в Гостином дворе. Ну почему наши, русские, купцы не умеют так торговать? Одни жалобы на них — обманывают, обвешивают... И ведь гордятся, стервецы, не тем, что выгодно продали, а тем, что выгодно надули. Не сказать, что наши товары хуже иноземных. И что удумали недавно, шельмы купеческие, русское сукно продавали как английское. Так что же? Нарасхват ушло.

А в продуктовых рядах что творится! Грязь, вонь! Нащокин невольно поморщился. Ну что за привычка покупать протухшую рыбу? От нее смердит уже, так нет, деловито понюхают, скажут: «Не дошла ишшо!» — и дальше пойдут торговаться.

Да и как русским купцам соперничать с иноземцами, если тем и привилегии, и в налогах послабление! Нет, о развитии русской торговли и промыслов никто не думает! Надо бы убедить царя, чтобы прекратили драть три шкуры с купцов, дать им развернуться. Польза от этого России будет огромная! С Запада надо пример брать — и в управлении, и в торговле, и в военном деле. Доброму не стыдно учиться даже у своих врагов.

«Одно плохо, — с болью подумал Нащокин, — трудно убедить в этом. Ладно мужики, но бояре-то — словно клешнями ухватились за старину, и ни с места. Нет, здесь сильная рука нужна, с кнутом! Иначе не сдвинуть Россию!»

А Москва-то! Вот уж воистину столица русского невежества и неповоротливости. Сколько раз приходилось слышать от иноземных послов, что издали Москва потрясает своим видом и размерами, а въедешь — грязь, везде сады, огороды, дома разбросаны кое-как, да и сами вот-вот развалятся. Одно слово — большая деревня. Не привык русский мужик обустраивать свой быт, живет абы как — «на авось». Да и то, что ему обустраиваться, если все одно дом сгорит — пожары-то по несколько раз в году случаются. Поставит новую избу, благо дешево продают. За день отстроит дом, а деньги тут же на новый откладывает. Нет, только каменные дома надо ставить — и безопаснее, и опрятнее.

С обреченным видом боярин отвернулся от Торговых рядов. Прямо перед ним высился удивительной красоты Казанский собор.

Нащокин невольно закрыл глаза — блеск куполов храма ослеплял — создавалось впечатление, что храм горит.

От Казанского собора вдоль Никольской улицы шли торговые лавки. Здесь торговали иконами. Покупателей было не меньше, чем в Торговых рядах. За

Иконным рядом располагался монастырь, который потому и прозвали Заиконоспасским.

Въехав в ворота, Нащокин слез с повозки и направился в Каменные палаты. Он любил сюда приходить — ведь именно здесь находился центр образования и знаний в Москве. Тут обучали переводчиков для Посольского приказа, переводили иноземные книги, вели ученые споры, обсуждали политические дела.

Раньше, правда, приезжал чаще, когда настоятелем монастыря был Симеон Полоцкий (1629 — 1680). Образованнейший и умнейший человек своего времени, он по зову Алексея Михайловича приехал в Москву из Белоруссии и стал одним из самых последовательных проводников западного образования. Это обстоятельство и сблизило Ордин-Нащокина с Симеоном Полоцким. Оба они были не любимы: Ордин-Нащокин — боярами, а Симеон — иерархами церкви.

Кроме того, Симеон был первым преподавателем школы, основанной в мо-

настыре, где обучал подьячих Посольского приказа латинскому языку, поэтике и риторике. Жаль, но в 1668 году Симеон покинул монастырь — царь назначил его наставником царевича Федора.

Сегодня Нащокин приехал сюда, чтобы передать рукописную газету «Куранты», составлявшуюся в Посольском приказе для царя и его окружения, обсудить книги, которые необходимо перевести в первую очередь. Да и в конце концов хоть ненадолго избавиться от жары — в Каменной палате было гораздо прохладнее, чем на улице.

Немного отдохнув, он отправился на Печатный двор, что располагался сразу за монастырем. Здесь более ста лет назад Иван Федоров создал первую в России печатную книгу «Апостол». Теперь тут печатали не только священные книги, но и буквари, грамматик, другие учебники. Большой популярностью в Москве пользовался «Букварь» Бурцова, который продавали всего за копейку тысячами экземпляров в день. Благодаря букварям и появлению печатных книг в Москве уже чуть ли не каждый четвертый умел

читать. Несколько дней подряд Нащокин приезжал на Печатный двор проследить, как печатается «Учение и хитрость ратного строя». Он полагал, что эта книга крайне необходима в России. Работа, однако, стопорилась — не хватало бумаги. Московские бумажники не могли обеспечить Печатный двор. Нащокин пообещал договориться с французскими и голландскими купцами о поставке бумаги в Москву. Дело нужное!

Узнав у печатников, в чем еще они нуждаются, Ордин-Нащокин посулил помочь и поспешил в Кремль, к царю. Предстояла встреча с польским посланником Иеронимом Комаром...

Обычно государь Алексей Михайлович встречал послов весьма торжественно.

На этот раз аудиенция была довольно скромной. Кроме государя, восседавшего на троне в полном царском облачении, со скипетром и державой в руках, и Ордин-Нащокина, был Матвеев, еще несколько бояр и думных дьяков.

Без особых церемоний царь попросил посланника изложить суть дела. После того как Ордин-Нащокин доложил о последних событиях на Волге, царь заметно занервничал.

Польский посланник просил государя всея Руси двинуть войска на Украину против турок и татар, грозящих войной Польше. Алексей Михайлович, выслушав, сказал посланнику, что обдумает просьбу польского короля и ответ даст незамедлительно. Посланник откланялся и вышел.

— Что скажете, бояре? — спросил царь.

Встал Матвеев:

— Великий государь, если мы хотим удержать Левобережную Украину, нам не следует помогать Польше. Зачем лишний раз казаков раздражать.

Все согласно кивнули.

— А ты, Афанасий, что думаешь? — обратился царь к Ордин-Нащокину.

— Ваше царское величество, — сказал Нащокин, — я согласен с Матвеевым Артамоном Сергеевичем, к тому же

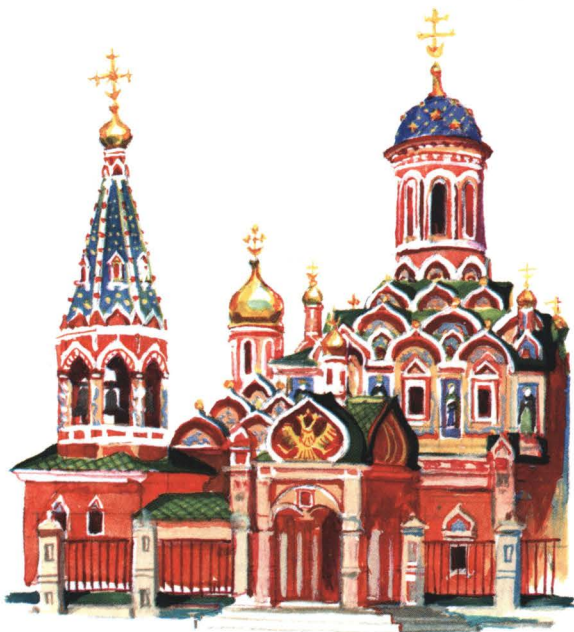
и войск у нас нет — разинский мятеж подавить надо. С другой стороны — мир с Польшей хрупок. Сохранить бы и те земли, что у нее отвоевали. Не стоит давать посланнику прямой отказ.

— Пусть так, — сказал царь. — Ты сам, Афанасий, и передай мой ответ посланнику.

— Слушаюсь, ваше царское величество, — Нащокин поклонился государю.

Он отметил, с какой ненавистью смотрели на него бояре. Одно успокаивало — царь доверял ему, говорил: «Ты, Афанасий, человек умный, и вижу, что служишь мне верно, от всего сердца. Посему не бойся никого». Так-то будет теперь?

Когда государь всех отпустил и они остались одни, царь сказал:

Собор Казанской Божьей Матери построен в 1635 — 1636 годах при царе Михаиле Романове в честь освобождения Москвы от поляков в 1612 году. Здесь находилась знаменитая Казанская икона Божьей Матери, спутница князя Пожарского — героя войны с польскими захватчиками.

Заиконоспасский монастырь основан в 1600 году Борисом Годуновым. В 1687 году здесь была открыта Славяно-греко-латинская академия.

— Вот что, Афанасий, я согласен, что с Польшей надо быть осторожным. Сам видишь, что на Волге творится. Придется тебе самому ехать послом в Польшу. Ты единственный сможешь все хорошо уладить.

— Слушаюсь, великий государь, — ответил Нащокин и подумал: «Теперь, похоже, не единственный, коли Матвеев первым голос в Думе подает...»

В следующем, 1671 году Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин подал в отставку, и его место в Посольском приказе занял Артамон Матвеев.

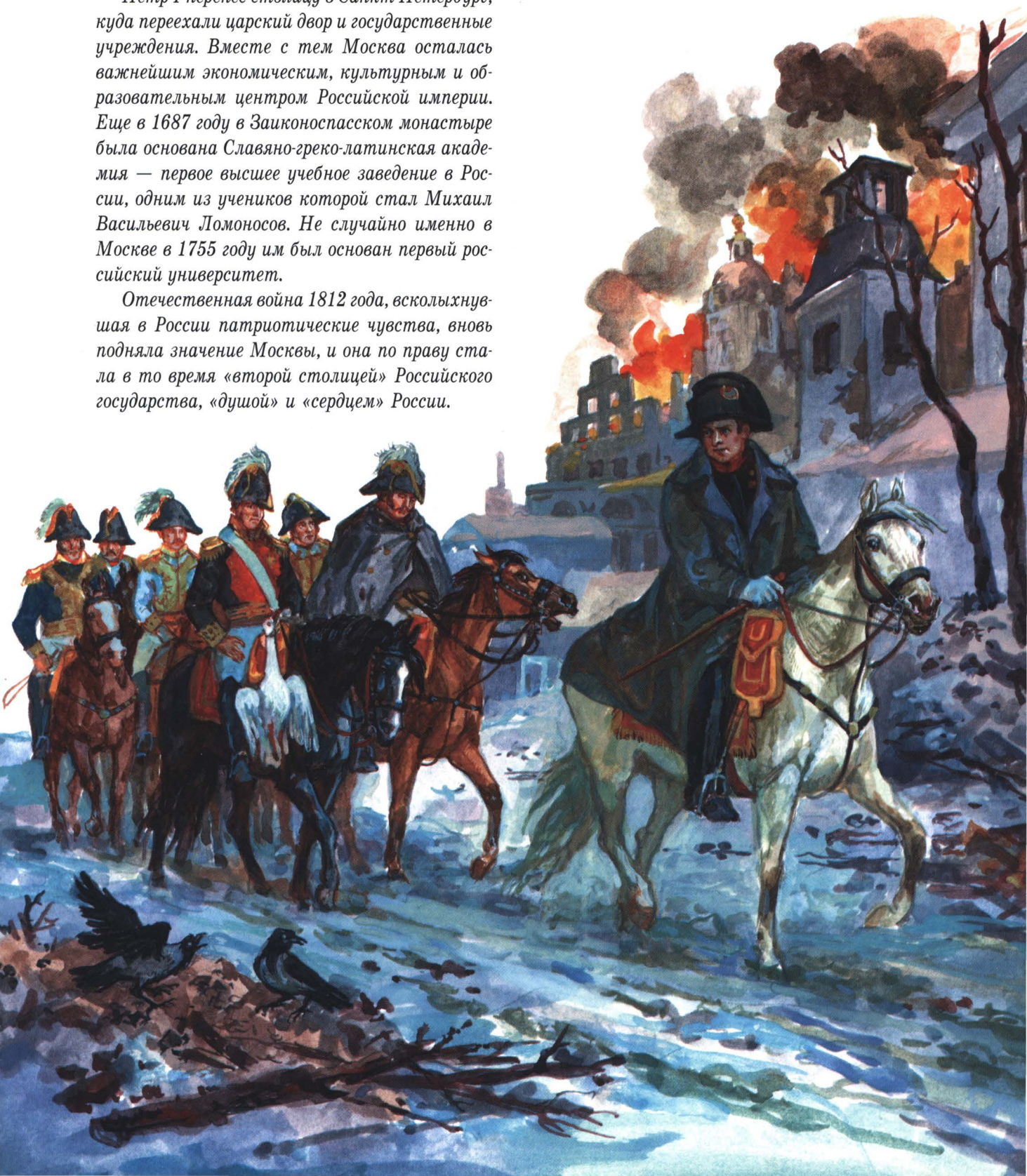
Россия стояла на пороге перемен. Но Ордин-Нащокину не суждено было увидеть то, о чем мечтал всю свою жизнь.

В 1671 году Алексей Михайлович женился на Наталье Нарышкиной, а год спустя она родила царевича Петра — будущего императора, разбудившего спящую Россию. Немалую роль в под-

готовке реформ сыграли Ордин-Нащокин, Симеон Полоцкий, Артамон Матвеев и сам царь Алексей Михайлович.

Петр I перенес столицу в Санкт-Петербург, куда переехали царский двор и государственные учреждения. Вместе с тем Москва осталась важнейшим экономическим, культурным и образовательным центром Российской империи. Еще в 1687 году в Заиконоспасском монастыре была основана Славяно-греко-латинская академия — первое высшее учебное заведение в России, одним из учеников которой стал Михаил Васильевич Ломоносов. Не случайно именно в Москве в 1755 году им был основан первый российский университет.

Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая в России патриотические чувства, вновь подняла значение Москвы, и она по праву стала в то время «второй столицей» Российского государства, «душой» и «сердцем» России.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

Шлем князя
Ярослава Всеволодовича
(1191 — 1246), отца
Александра Невского

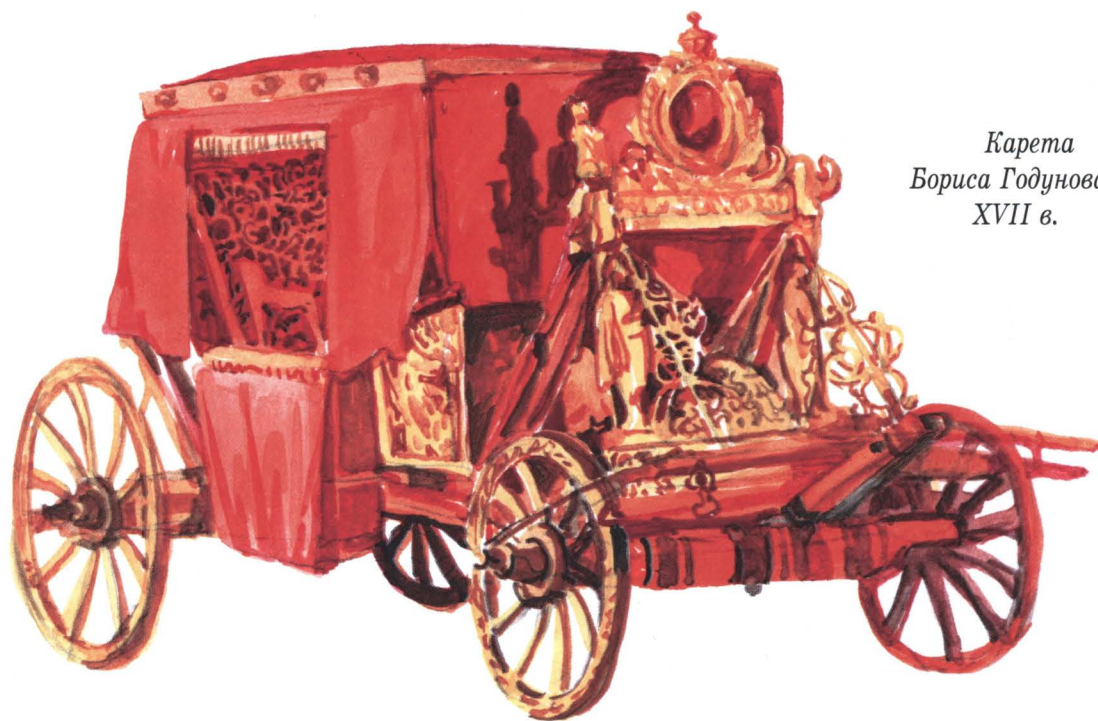
Печать
Дмитрия
Донского

Потир
Юрия Долгорукого.
XII в.

Кубок-петух Ивана III.
XV в.

Карета
Бориса Годунова.
XVII в.

Седельный прибор Бориса Годунова. XVII в.

Зеркало-складень. XVII — XVIII вв.

Седло, принадлежавшее Борису Годунову

Трон Ивана Грозного. XVI в.

Сабля князя Дмитрия Пожарского

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ	4
ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ. ЮРИЙ ДАНИЛОВИЧ	11
ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ. ИВАН КАЛИТА	16
СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕМЛЯ. АРИСТОТЕЛЬ ФИОРАВАНТИ	22
ОРДИН-НАШОКИН	35

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

Москва

Для младшего и среднего школьного возраста

История Москвы от ее основания до XVII века в рассказах

Руководитель проекта Н. Астахова
Ответственный редактор Л. Яковлев
Редактор Е. Григорьева
Технический редактор В. Мороз
Корректор Е. Коротаева
Компьютерная верстка М. Минаев

ISBN 5-7793-0167-0

ЛР № 064517

от 25.03.1996 г.

Консультант

старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
кандидат исторических наук
А. А. Молчанов

В издании участвовало

творческое объединение

при Фонде Ролана Быкова

101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12а, тел. 916-92-50.

Издательство «БЕЛЫЙ ГОРОД».

105118, Москва, шоссе Энтузиастов, 42,

отдел реализации — тел. 176-16-93

Оптовые поставки — фирма «Паламед», тел. 176-16-93, 176-07-37

Розничная продажа — Торговый дом «Библио-Глобус»,

101861, Москва, улица Мясницкая, 6.

По вопросам приобретения книг по издательским ценам

обращайтесь по адресу: 105118, Москва,

шоссе Энтузиастов, 42, тел. 176-16-93.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать: 28.11.99; дата сдачи в набор: 03.12.99.

Гарнитура: SchoolBook; печать: офсет.

Тираж 5000 экз. Заказ № 232.

УДК 087.5:[947+950]

ББК 63.3(2)

М82

© «Белый город», 2000

© Текст, А. Абрамов, 1999

© Иллюстрации, Н. Алешина, 1999

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, увлекательно написаны, красочно проиллюстрированы, содержат много полезной и интересной информации об истории России.

Готовятся к выпуску:

- «ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ»
- «КЛАДЫ И СОКРОВИЩА»
- «РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ»
- «ДУЭЛИ»
- «АЛЕКСАНДР II»

«БОРИС И ГЛЕБ»
«ЛОМОНОСОВ»
«САМОЗВАНЦЫ»
«ИВАН ГРОЗНЫЙ»
«ЕРМАК»

МОСКВА

Андрей Боголюбский

Андрей Рублев

Иван III Васильевич

Иван Федоров

Борис Годунов

Михаил Федорович

Алексей Михайлович

Основатель Москвы
Юрий Долгорукий

Государь Алексей Михайлович встречал послов торжественно.

Собрались братья в тереме.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

Иллюстрированный словарь
«ПРЕДМЕТЫ БЫТА
МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ»

Пожар Москвы 1812 года